

частицы лув. и пал. -а-, -ра; лув., пал. -tta, лик. -te при хетт. -kán; лув., пал. -ца, лик. -це при хетт. -ца/-цаг и др.). Возможно, пал. mas-соответствует функционально и этимологически лувийской вводящей частице me, как это отмечает Карруба (стр. 47); этимологически сюда, очевидно, относится и хетт. -ma.

Весьма важен раздел «Словарь», занимающий почти половину книги. Разумеется, и в отношении этого раздела могут быть сделаны критические замечания, что вполне естественно при скудости эпиграфического материала. Мы не будем повторять здесь наших замечаний, сделанных при анализе отдельных слов и словоформ в предыдущем изложении. Добавим лишь, что на стр. 49 Карруба приводит в качестве лувийского энклитического союза -хе «и» (сопоставимого с лув. -ha «и»), хотя в действительности такой формы не существует.

Можно с удовлетворением констатировать, что изучение палайских текстов благодаря работам Каррубы продвинулось вперед; при этом монография «Палайский язык» может рассматриваться как начало нового этапа в изучении этого языка, ибо она, безусловно, породит оживленную дискуссию по данной проблеме. Возможно, в результате этой дискуссии Карруба предпримет переиздание своей работы, учтя замечания коллег и сделав работу более соответствующей серии «Studien zu den Boghazköy-Texten», в которой она сейчас издана. В этих целях необходимо дополнить работу переводами текстов и снабдить ее подробным комментарием, касающимся, в частности, сопоставления с контекстами сходных хеттских ритуалов.

Г. М. Келлерман, В. В. Шезорошкин

Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Edidit Georgius Mihailov. Volumen I. Inscriptiones orae Ponti Euxini. Editio altera emendata. Serdicae, 1970 (1971), 504 стр., 256 табл.

Пятнадцать лет тому назад, в 1956 г., вышел в свет первый том монументального многотомного Корпуса найденных в Болгарии греческих надписей, составленный известным болгарским эпиграфистом профессором Георгием Михайловым. В этом томе содержались надписи, происходящие с черноморского побережья Болгарии. Позднее Г. Михайлов опубликовал второй том этого Свода (надписи, найденные между Гемом и Дунаем, 1958 г.), третий (надписи между Гемом и Родопами — часть I, 1961; часть II, 1964) и четвертый (надписи с территории Сердики и долин Струмы и Месты, 1966). Таким образом, Корпус, включивший 2353 номера надписей, был фактически завершен. Предстоит еще лишь выпуск заключительного, пятого тома с индексами ко всему изданию и географической картой.

Первый том «Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae» (IGB) получил весьма высокую оценку специалистов многих стран¹, в том числе, и в рецензиях, опубликованных в Советском Союзе²; он был отмечен премией Парижской академии надписей. Однако, изданный небольшим тиражом (400 экз.), он очень

скоро стал библиографической редкостью, и поэтому еще в 1962 г. IV Международный конгресс по греческой и латинской эпиграфике в Вене принял решение о желательности его переиздания. К тому же бурное развитие археологических раскопок в последние годы в Болгарии, в частности на ее черноморском побережье, привело к весьма значительному пополнению эпиграфического арсенала. Все это побудило Археологический институт Болгарской Академии наук поручить Г. Михайлову подготовить к изданию второе, дополненное и переработанное издание первого тома IGB, которое недавно увидело свет.

По объему новое издание выросло по сравнению с первым почти вдвое (56,7 листов против 29), более чем на треть увеличилось число изданных надписей — в том включено 176 новых надписей, частично публиковавшихся как самим автором, так и его коллегами в различных изданиях, отчасти же издающихся впервые.

В целях удобства пользования всем Сводом (для сохранения общей сквозной нумерации во всех томах Корпуса) новые надписи включены в издание в географическом, тематическом и хронологическом порядке вслед за старыми номерами под цифрами bis, ter, quater и т. д. и помечены звездочкой.

Наибольшее число новых надписей происходит из тех пунктов, которые в последние годы подверглись системати-

¹ Список опубликованных отзывов см. на стр. 10—11 рецензируемого тома.

² См. Т. В. Блаватская, СА, 1957, № 2, стр. 293 сл.; Б. И. Надаль, ВДЦ, 1958, № 3, стр. 187 сл.

ческому археологическому исследованию. Чтобы получить более отчетливое представление о значении и значительности пополнения каменного архива разных западнопонтийских центров, приведем некоторые сравнительные статистические данные. Более всего возросло количество надписей Месембрии. Если в первое издание рецензируемого тома было включено всего лишь 42 надписи, принадлежащие этому древнему городу, то второе издание включает 105 эпиграфических документов Месембрии. Среди 63 новых надписей (о некоторых из них подробнее см. ниже) 15 декретов (в первом издании их было лишь 9), 7 посвяительных надписей (IGB, I¹—7), 41 надгробная (IGB, I¹—20). 62 надписями (IGB I¹—133) пополнилось эпиграфическое собрание Одесса (5 декретов, 3 каталога имен, 2 почетные, 9 посвяительных и 43 надгробные надписи). Значительно меньше новых надписей происходит из Аполлонии (14), Дионисополя (8) и Бизоне (5). Приведенные цифры отражают степень археологической активности болгарских исследователей в различных античных центрах Причерноморья Болгарии в последние годы.

В качестве Аппендикса (№№ 476—479 ter) в том включены также 6 надписей неизвестного происхождения, хранящихся в Одесском государственном археологическом музее (СССР), которые В. В. Латышев одно время считал происходящими из Одесса (Варны)³, но позднее изменил свое мнение и издал их как *tituli locorum Sarmatiae incertorum*, допуская, что пять из них могут быть ольвийскими⁴, а одна из Варны; недавно же Е. Колендо высказался в пользу аполлонийского происхождения этих пяти надписей⁵.

Г. Михайлов не ограничился одним лишь дополнением первого тома Корпуса новыми надписями — весьма существенной переработке подвергся весь текст издания. В отличие от первого издания всем географическим разделам (Гавань, Карицев, Бизоне, Дионисополь, Одесс и т. д.) предпосланы достаточно подробные вводные заметки, в которых в сжатой форме приведены выдержки из географических и исторических сочинений древних авторов, касающиеся данного пункта, средневековые данные, сведения из важнейших надписей, основная библиография.

Уточнены и существенно дополнены леммы. Значительно расширен коммен-

тарий. Это в равной степени относится как к лингвистической, так и исторической его части. В новом издании в отличие от прежнего должное место заняли вопросы ономастики, что нашло отражение и в индексах, которые вообще претерпели существенные изменения. Помимо того что они, естественно, сильно увеличились, введен ряд новых разделов. Так, Г. Михайлов ввел в новое издание новый раздел указателя (II) *Nomina Thracia, Orientalia, alia, ambigua*, в который включены имена: 1) фракийские; 2) восточные (азиатские); 3) имена, которые могут быть фракийскими и азиатскими; 4) имена (*alia ambigua et incerta*), которые могут быть фракийскими, греческими, латинскими и т. д.; 5) имена, которые могут быть азиатскими и греческими, имя, которое может быть азиатским, греческим и латинским; иранские, ливийское (?), галльское и неизвестного происхождения. Специальный новый указатель (III) объединяет греческие имена. В указателе «Римские имена» (IV) введен раздел *Signa*, в указателе «*Respublica Romana*» (VIII) — *Res militaria*. Как видим, индексы в новом издании значительно конкретизированы, они представляют большие удобства при пользовании им и вместе с тем свидетельствуют о большой исследовательской работе, проделанной Г. Михайловым при подготовке к переизданию первого тома своего капитального Корпуса. Индексы весьма полны, тем досаднее отдельные пропуски в них. Так, например, в географическом указателе пропущен этникон *Θεσσαλίας* (№ 35).

Хотя, как указано выше, второе издание IGB по числу надписей превосходит первое немногим больше чем на одну треть, количество иллюстраций в нем увеличилось более чем вдвое (256 таблиц вместо 122). Значительно повысилось качество иллюстраций. Многие неудовлетворительные фотографии заменены новыми, более высококачественными, в ряде случаев фотографии заменили прорисовки надписей (№№ 53, 59, 326, 350, 351 и др.), иные надписи, требующие более детальной иллюстрации, отражены теперь в нескольких фотографиях или в фото и прорисовках (№№ 13, 47 и др.), многие фотографии текстов увеличены и т. д. Тем не менее приходится с сожалением отметить, что в ряде случаев полиграфическое качество иллюстраций недостаточно высоко, что крайне важно в издании эпиграфических памятников, в некоторых случаях оно даже ниже, чем в первом издании (например №№ 22, 50, 79, 96, 105, 111, 141, 308 и др.).

После этих общих замечаний обратимся к нескольким более подробному рассмотрению некоторых новых надписей, происходящих из различных античных центров черноморского побережья Болгарии.

³ IOSPE, IV, стр. 276 сл.

⁴ См. IOSPE, I², стр. 279 сл., №№ 333—337; № 338 — из Одесса (Варны).

⁵ J. K o l e n d o, Découvertes d'inscriptions grecques pendant la guerre russo-turque, 1828—1829, «Archeologia», XVIII, 1967, Wrocław — Warszawa, 1968, стр. 53.

Остановимся прежде всего на группе новых декретов. К их числу относятся два прокесенических декрета из Дионисополя, в одном из которых (№ 13 bis), датированном III, а возможно еще IV в. до н. э. различные привилегии предоставляются жителю соседнего Одесса. Другая надпись (№ 13 ter) — начало декрета III—II вв. до н. э. в честь жителя другого соседнего города — Каллатии. Этот район был, вероятно, территорией, где скрещивались зоны экономического влияния Одесса и Каллатии.

Среди декретов из Одесса интересно постановление совета и народа в честь трех лиц, которым в числе прочих почестей и привилегий предоставляется исотеллия (не ателлия!) всех товаров, которые бы они ввезли или вывезли (№ 37 bis — III—II вв.). Другой декрет (№ 43 bis — конец I в. до н. э.) восхваляет томита.

Среди надписей Месембрии наибольшее значение сохраняет декрет в честь царя Садала (№ 307), дошедший до нас, к сожалению, в весьма фрагментарном состоянии. Декрет этот, впервые опубликованный еще в 1950 г., привлекает пристальное внимание исследователей до настоящего времени. В нем, как известно, речь идет о договоре Садала с месембрицами. Однако исследователи до сих пор не пришли к единому мнению ни относительно даты декрета, ни о том, чьим царем был фигурирующий в нем Садал. Одни (Гылыбов, Михайлов), признают его одрисским властителем, другие (Данов) — царем астов. От решения этого вопроса зависит и датировка декрета. Г. Михайлов по-прежнему настаивает на датировке декрета, а следовательно, и упоминаемого в нем договора началом III в. до н. э. (между 281 и 277 гг.)⁶, чему не противоречат палеографические особенности шрифта, хотя они и допускают несколько более позднюю дату⁷. В новом издании рассматриваемая надпись снабжена новым обширным коммен-

тарием, в котором подробно разбирается вопрос о ее датировке главным образом на основании рассмотрения исторической ситуации во Фракии с привлечением археологических и нумизматических данных. Г. Михайлов по-прежнему настаивает на одрисском происхождении Садала. Для окончательного и бесспорного решения этих важных вопросов потребуются, вероятно, еще дополнительное специальное исследование.

Значительный интерес представляет новый месембрийский декрет III в. до н. э. в честь каллатийца Главкия, сына Аристомена, который в течение длительного времени был в Месембрии дидаскалом (№ 307 bis).

Первостепенный интерес для истории западнопонтийских городов представляет большой декрет аполлониагов первой половины II в. до н. э. (№ 388 bis), найденный недавно в Истрии⁸, восхваляющий истрийцев, пославших флот и войско под командованием наварха-автократора Гегесагора, сына Монима, на помощь Аполлонии в войне против Месембрии.

Второе издание первого тома IGB включило в себя большую группу новых посвященных надписей, существенно расширяющих наши знания о распространении различных культов в греческих городах и поселениях Западного Причерноморья. Ряд надписей расширял «географию» различных культов.

Среди надписей Бизоны обращают на себя внимание два посвящения (№№ 8 bis и 7 ter). Первая из надписей, относящаяся к римскому времени, является посвящением Сирийской богине (Θεῇ Συρίῳ)⁹, которую следует отождествлять с Астартой (или Астарой), почитание которой впервые засвидетельствовано в Западном Причерноморье. Заимствование восточных культов в Причерноморье известно и в значительно более раннее время. Так, в частности, в известной надписи Комосарии, жены царя Перисада I, найденной на берегу Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове, речь идет о посвящении Сипергу и Астаре (IOSPE, II, № 346 = КБП, № 1015)¹⁰. Вторая надпись — посвящение богам Самофракийским — впервые свидетельствует о почитании этих хтонических

⁶ Ж. и Л. Робер в («Bulletin épigraphique», 65, 1952, 34, № 87a; 66, 1953, 33 сл., № 133) говорят о «belle écriture soignée de haute époque hellénistique». Xp. M. Данов (Pontos Euxineos, RE, Supplbd IX, 1962, стб. 1072, там же ссылки на его предшествующие исследования) — позднее середины III в. до н. э.

⁷ См. Т. Н. Книпович, Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии, НЭ, VI, 1966, стр. 21 и табл. IX. Близкой аналогией шрифту декрета в честь Садала Т. Н. Книпович считает шрифт ольвийского декрета в честь херсонесцев сыновей Аполлония («Надписи Ольвии», Л., 1968, № 28, табл. XVI), датированной около середины III в. до н. э.

⁸ Впервые издан: D. M. Pippidi et Em. Popescu, Les relations d'Istros et d'Apollonie à l'époque hellénistique, «Dacia», N. S. 3, 1959, стр. 241, № 4.

⁹ К сожалению, комментарий к этой надписи, как и к ряду других посвященных, отсутствует, хотя она, как кажется, требовала и заслуживала такового.

¹⁰ См. M. Rostovtzeff, Le culte de la Grande Déesse dans la Russie meridionale, REG, 32, 1919, стр. 464.

божеств (Кабиров) в Бизоне. Культ Кабиров засвидетельствован надписями соседних городов — Дионисополя (№ 13) и Одесса (№№ 41 и 42).

О заимствовании египетских культов свидетельствует и месембрийская надпись III—II вв. с посвящением Серапису, Исиде, Анубису и Афродите (№ 322 ter). Культ Сераписа и Исиды был в Месембрии засвидетельствован и ранее (№№ 328, 329), культ же Анубиса засвидетельствован впервые для Западного Причерноморья.

Впервые засвидетельствовано почитание Афродиты в Дионисополе (19 bis — IV в. до н. э. посвятителю — мефимнеецу) и Зевса (с эпитетом «Бессмертный» — Δολιχάτης) — там же (24 bis — после 212 г. н. э.). В последней надписи содержатся и важные исторические сведения о политической ситуации в этом районе в начале III в. н. э. (борьба против карпов).

Интересны надписи из Анхиала (№ 370 bis) с посвящением Θεῶν Μελοφόρῳ, т. е. Деметре (Плодоносящей); из Месембрии (№ 322 bis — III в. до н. э.) — Зевсу с эпитетом Ὑπερβεῖς (Властному, Одерживающему верх); из Одесса (№ 88 bis) — Φωσφόρῳ, т. е. Гекате, и целый ряд других.

Наибольшее число новых надписей, включенных в издание, — это надгробия, и среди них целый ряд стихотворных (см. индекс XI. Initia Carminum). Обычно эта категория эпиграфических памятников представляет более всего данных по просопографии и ономастике. Новые западнопонтийские надгробия также дополнили списки имен новыми. Так, впервые зарегистрированы новыми имена Αβρίνα, Μελίη и Φωβήχης (№ 228 bis, Одесс); список «азиатских» имен пополнился ранее не встречавшимися Βωων и Ζουδίουπυτος (№ 178, bis), Τατρίων (№ 174 bis) и Βαθίς (№ 187 bis — все из Одесса). Новым является и фракийское имя Ζουχχίπιστος (№ 171 bis, Одесс); к числу имен неизвестного происхождения относятся Σιρσων (№ 203 bis), Βρζκχ (№ 141 bis), которое, по мнению Г. Михайлова, может быть и фракийским, и Νεχορστis (№ 206 quater — все из Одесса), которое, как полагает составитель, возможно, греческое. К числу новых греческих имен относятся Βλαίχων (№ 409 bis) и Παλστιδης (№ 477 bis) на надгробиях V—IV вв. из Аполлонии. Новым является также имя Νεῖος (№ 335 bis, из Месемб-

рии). Что касается последнего имени, то оно может быть сопоставлено с именем Νεῖος, известным по амфорным клеймам Гераклеи Понтийской и Синопы¹¹. Возможно, оба начертания являются вариантами написания одного имени, которое Б. Н. Граков полагал происшедшим от римского Novius¹². В надгробии из Одесса (№ 147 bis) впервые в Западном Причерноморье засвидетельствован этникон Βοζαντις.

Заканчивая рассмотрение второго издания первого тома IGB, хочется еще высказать одно предположение. Сравнение двух надгробий, изданных нами недавно в «Надписях Ольвии» под №№ 96 и 97 (Патрофила, дочь Посия, и Прота, жена Баттиона, дочь Никомаха), с современными им надгробиями (V—IV вв.) из Одесса и Аполлонии обнаруживает поразительную их близость в разных аспектах (ср. IGB, I², №№ 100 сл.; 405 сл.). Оба указанных надгробия, хранящиеся ныне в Херсонском музее, поступили туда из бывшего собрания П. К. Суручана в Кишиневе и не имеют точного паспорта. Их происхождение в настоящее время установить невозможно. Нельзя поэтому считать исключенным, что и обе надписи, изданные, как ольвийские, происходят из Аполлонии или Одесса, тем более, что среди ольвийских надгробий они не имеют аналогий.

В краткой рецензии нет ни возможности, ни необходимости скрупулезного рассмотрения всех надписей, вошедших во второе издание IGB. Разумеется, в них имеются и огрехи, особенно нежелательные в эпиграфическом издании, обязанные в большинстве частому еще, к сожалению, несовершенству типографского набора (часть их указана в списке в конце книги). Разумеется также, что издание еще не сказало последнее слово о надписях — еще в течение долгого времени будет продолжаться работа над чтением, восстановлением и интерпретацией некоторых из них. Надо думать, что немалый вклад в это внесет и сам издатель Корпуса, составивший превосходный труд, целиком отвечающий высоким требованиям современной науки.

И. Б. Брашинский

¹¹ Д. Б. Шелов, Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикаея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 212.

¹² См. там же.